
A detailed illustration of a brown bird with a crest, possibly a sparrow, perched on a ledge. It is looking out over a town in winter. The town features a church with a tall spire, snow-covered roofs, and a street with a few figures. The sky is a pale, hazy blue with some birds flying in the distance.

— А когда же придёт весна? — спросили другие воробьи.

— Она придёт, когда прилетит первый аист. Но он не особенно-то аккуратен, и трудно рассчитать заранее, когда именно он прилетит! Впрочем, уж если вообще разузнавать об этом, то не здесь, в городе — тут никто ничего не знает толком, — а в деревне! Полетим-ка туда дожидаться весны! Туда она всё-таки скорее придёт!

An illustration of a girl with dark hair and a blue dress looking out from a window. The window is framed by a wooden door with a heart-shaped handle. Two birdhouses are mounted on the wall outside the window. The scene is set in winter, with snow on the ground and rooftops. The overall style is painterly and colorful.

— Всё это прекрасно! — сказала воробиха, которая давно вертелась тут же и чирикала, но в разговор не вступала. — Одно вот только: здесь, в городе, я привыкла к некоторым удобствам, а найду ли я их в деревне — не знаю! Тут есть одна человеческая семья, ей пришла разумная мысль — прибить к стене три-четыре пустых горшка из-под цветов. Верхним краем они плотно прилегают к стене, дно же обращено наружу, и в нём есть маленькое отверстие, через которое я свободно влетаю и вылетаю. Там-то мы с мужем и устроили себе гнездо, оттуда повывлетели и все наши птенчики. Понятное дело, люди устроили всё это для собственного удовольствия, чтобы полюбоваться нами, иначе бы они и пальцем не шевельнули! Они бросают нам хлебные крошки, — тоже ради своего удовольствия, — ну, а нам-то всё-таки корм! Таким образом, мы здесь до некоторой степени обеспечены, и я думаю, что мы с мужем останемся здесь! Мы тоже очень недовольны, но всё-таки останемся.

— А мы полетим в деревню — поглядеть, не идёт ли весна! — сказали другие и улетели.

В деревне стояла настоящая зима, и было, пожалуй, ещё холоднее, чем в городе. Резкий ветер носился над снежными полями. Крестьянин в больших тёплых рукавицах ехал на санях, похлопывая руками, чтобы выколотить из них мороз; кнут лежал у него на коленях, но исхудалые лошади бежали рысью, партак и валил от них. Снег скрипел под полозьями, а воробьи прыгали по санным колеям и мёрзли.

— Что это за старик? — спросили воробьи.

— Я знаю его! — сказал старый ворон, сидевший на плетне. Он снисходительно сознавал, что «все мы — мелкие пташки перед Творцом», и потому благосклонно взялся разъяснить воробьям их недоумение.

— Я знаю, кто он. Это Зима, старый прошлогодний повелитель. Он вовсе не умер ещё, как говорит календарь, и назначен регентом до появления молодого принца, Весны. Да, Зима ещё правит у нас царством! У! Что, продрогли небось, малыши?

— Ну, не говорил ли я, — сказал самый маленький воробышек, — что календарь — пустая человечья выдумка! Он совсем не приноровлен к природе. Да и разве у людей есть какое-нибудь чутьё? Уж предоставили бы они распределять времена года нам — мы потоньше, почувствительнее их созданы!

Прошла неделя, другая. Лес уже почернел, лёд на озере стал походить на застывший свинец, облака... нет, какие там облака?! Сплошной туман окутал всю землю. Большие чёрные вороны летали стаями, но молча; всё в природе словно погрузилось в тяжёлый сон. Но вот по озеру скользнул солнечный луч, и лёд заблестел, как расплавленное олово. Снежный покров на полях и на холмах уже потерял свой блеск, но белая фигура старика Зимы сидела ещё на прежнем месте, устремив взор к югу. Он и не замечал, что снежная пелена всё уходила в землю, что там и сям проглянули клочки зелёного дёрна, на которых толклись кучи воробьёв.

— Кви-вит! Кви-вит! Уж не весна ли?

— Весна! — прокатилось эхом над полями и лугами, пробежало по тёмно-бурым лесам, где стволы старых деревьев оделись уже свежим, зелёным мхом. И вот с юга показалась первая пара аистов. У каждого на спине сидело по прелестному ребёнку: у одного — мальчик, у другого — девочка. Ступив на землю, дети поцеловали её и пошли рука об руку, а по следам их расцветали прямо на снегу белые цветочки. Дети подошли к старику Зиме и прильнули к его груди. В то же мгновение все трое, а с ними и вся местность, исчезли в облаке густого, влажного тумана. Немного погода подул ветер и разом разогнал туман; просияло солнышко — Зима исчезла, и на троне природы сидели прелестные дети Весны.

— Вот это так новый год! — сказали воробьи. — Теперь, надо полагать, нас вознаградят за все зимние невзгоды!

И дни шли за днями, недели за неделями. На полях засверкали блестящие косы и серпы, ветви яблонь согнулись под тяжестью красных и золотистых плодов. Душистый хмель висел крупными кистями. В тени орешника, осыпанного орехами, сидевшими в зелёных гнёздышках, отдыхали муж с женою — лето со своею серьёзною, задумчивою подругою.

— Что за роскошь! — сказала она. — Что за благодать, куда ни поглядишь! Как хорошо, как уютно на земле, и всё-таки — сама не знаю почему — я жажду... покоя, отдыха... Других слов подобрать не могу! А люди уж снова вспахивают поля! Они вечно стремятся добыть себе больше и больше!.. Вон аисты ходят по бороздам вслед за плугом... Это они, египетские птицы, принесли нас сюда! Помнишь, как мы прилетели сюда, на север, детьми?.. Мы принесли с собой цветы, солнечный свет и зелёную листву! А теперь... ветер почти всю её оборвал, деревья побурели, потемнели и стали похожи на деревья юга, только нет на них золотых плодов, какие растут там!

Листья на деревьях всё желтели и желтели, начался листопад, зашумели осенние ветры — настала поздняя осень. Царица года лежала на земле, усыпанной пожелтевшими листьями, кроткий взор её был устремлён на сияющие звёзды небесные; рядом с нею стоял её муж. Вдруг поднялся вихрь и закрутил сухие листья столбом. Когда вихрь утих — царицы года уже не было, в холодном воздухе кружилась только бабочка, последняя в этом году.

Землю окутали густые туманы, подули холодные ветры, потянулись долгие тёмные ночи. Царь года стоял с убелённой сединой головою, но сам он не знал, что поседел, — он думал, что кудри его только запушило снегом! Зелёные поля покрылись тонкою снежною пеленою.

И вот колокола возвестили наступление сочельника.
— Рождественский звон! — сказал царь года. — Скоро народится новая царственная чета, а я обрету покой, унесусь вслед за нею на сияющую звезду!

А Зима задумчиво кивала голому чёрному лесу, где так ясно, отчётливо вырисовывались каждая веточка, каждый кустик. И землю окутали облака холодных туманов, природа погрузилась в зимнюю спячку. Повелитель года грезил о днях своей юности и зрелости, и к утру все леса оделись сверкающей бахромой из инея, — это был летний сон Зимы; взошло солнышко, и бахрома осыпалась.

